

Не видеть в архитектуре кризиса – значит не видеть и не понимать природы архитектуры. Масса архитектурной работы, увеличиваясь, демонстрирует неуклонное падение ее уровня. Проектирование и строительство с участием архитекторов мало отличается от «анонимного» проектирования или проектирования без архитекторов. Наличие отдельных ярких личностей в архитектуре – не доказательство здоровья архитектуры в целом и ее культурно-социальной адекватности. Кризис человечности – основа деградации современной архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; кризис архитектуры; кризис человечности; иллюзии прогресса; развитие; деградация. /

О кризисе архитектуры. Заметки разных лет / On the crisis of architecture. Notes from different years

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Кризис архитектуры и критика кризиса

Попытку написать «Апологию, или Оправдание» архитектуры тоже нужно как-то оправдать. С чего бы это вдруг приниматься за такое дело? Разве нет дел поважнее и «порееальнее»? Нужно ли оправдывать архитектуру вообще? Быть может, полезнее и уместнее ее «создавать» в частных реализациях, проектировать, а не разглагольствовать? Такого рода вопросы – не риторическая уловка автора, не знающего, как начать задуманное им предприятие. Эти вопросы возникнут с неизбежностью, как только замысел «Апологии» станет известен более широко, и поэтому ответить на эти вопросы, а точнее – возражения, нужно в самом начале, до построения самого оправдательного рассуждения.

Тот, кто не принимает всерьез актуальности апологии архитектуры, не видит и того, что называют «кризисом» архитектуры. Хотя далеко не все из тех, кто такой кризис видит и пишет о нем, согласились бы с попыткой построения «апологии». Мнения на этот счет суммируются в двух позициях. Одни говорят, что архитектура переживает кризис, от которого может и должна оправиться; другие же видят в этом кризисе нечто уже невозвратимое, окончательное и бесповоротное: смерть архитектуры. Те, кто не видит в архитектуре кризиса, либо вообще не видит и самой архитектуры (она их не занимает и не беспокоит), либо относятся к ее нынешнему состоянию как к чему-то совершенно нормальному, данному от века и обычному. Они склонны упрекнуть всякого, кто видит эти «кризисы», в нервной или психической болезни, утомлении и отчаянии, и порекомендовать какое-нибудь лечение или отдых. На самом деле, говорят они, нет никакого «кризиса»; скорее, есть только прогресс архитектуры, пусть постепенный, но необратимый, твердый. Таким образом, прежде чем приступать к «апологии» архитектуры, нужно, во-первых, показать, что такой кризис существует, что он не пустая выдумка, и если даже он выдуман, то это ничуть не умаляет его «реальности» для автора апологии. Во-вторых, нужно показать, что этот кризис не есть нечто безнадежное, что архитектура еще не умерла и что апология архитектурного возрождения, даже если она и не в силах доказать или убедить в значимости архитектуры, имеет смысл как выражение

надежды, на которую имеет право самое нормальное, здоровое сознание, а не помраченный разум психопата. Вот почему начать нужно с этого злополучного «кризиса» и критики его противников.

Те, кто отрицают «кризис» архитектуры или утверждают, ее современный расцвет, могут сослаться на такой простой факт, как увеличение объема проектирования, то есть строительства, осуществляемого с участием архитектора. Если в прошлом огромное число строительных операций велось без привлечения специалиста-архитектора, то сегодня, несмотря на то, что огромное количество производственных, жилых, складских, транспортных и т. п. сооружений возводится без участия архитектора или даже инженера, все же процент сооружений, в которых был архитектурный проект, несомненно растет как в количественно абсолютном, так и в относительном смысле. Можно ли из этого неоспоримого факта заключать о прогрессе архитектуры или отсутствии архитектурного кризиса?

Я думаю, что нельзя, так как масса архитектурной работы, увеличиваясь, демонстрирует неуклонное падение ее уровня. Страшно не столько то, что архитекторы не участвуют в проектировании, сколько то, что проектирование и строительство с участием архитекторов мало отличается от «анонимного» проектирования или проектирования без архитекторов, а порой и уступает такому анонимному проектированию, что приводит многих профессионалов-архитекторов (после выставки Рудовского) к идее следования «анонимности» или выучки у непрофессионалов как пути спасения самого архитектурного профессионализма. Это ли не выражение «кризиса» в профессии?

Другое возражение против «кризиса» может состоять в том, что сегодня именно профессиональная сторона архитектуры находится на подъеме. Издается большое количество книг и журналов, создано множество учебных заведений архитектурного профиля, можно назвать множество архитекторов, добившихся выдающихся успехов как в мысли, так и в проектно-творчестве и строительстве.

Что касается научной и педагогической активности в сфере архитектуры, то ее относительное увеличение,

Not to see a crisis in architecture means not to see or understand the nature of architecture. While the volume of architectural work is increasing, its level is steadily falling. Designing and construction with the participation of architects differs little from 'anonymous' design or design without architects. The presence of some bright personalities in architecture does not prove that the whole architecture is healthy and is culturally and socially relevant. The crisis of humanity is the basis for degradation of contemporary architecture.

Keywords: architecture; crisis of architecture; crisis of humanity; illusions of progress; development; degradation.

конечно, факт. Но здесь архитектура всплывает, скорее, на волне общего бума издательского и педагогического дела, нежели является активной иницирующей силой. И то, что ее выносит вверх и она растекается по поверхности нынешнего культурного течения, еще не говорит о ее собственных силах. Когда же мы видим отдельные яркие архитектурные личности, таких революционных, как Ле Корбюзье или Леонидов, Райт, Кензо Танге и прочих, это еще не доказательство здоровья архитектуры в целом. Значимость этих личностей – факт относительный; они рассматриваются нами на некотором общем «архитектурном фоне» как более или менее яркие вспышки, судить по которым об общем состоянии архитектурного «здоровья» опасно: как раз их относительная яркость может быть показателем угасания общего фона. И есть все основания видеть в их относительной яркости этот эффект гаснущего фона, так как при всем очаровании и блеске их индивидуальных дарований их культурная ценность и сила постоянно преувеличиваются. Недавнее «ниспровержение» их новой молодежью – волной «постмодернизма» – с некоторой долей симптоматичной убедительности показало не только то, что «и на солнце есть пятна», а то, что видеть солнце в этих пятнах можно только при известном желании и энтузиазме; и когда последний спадает, яркие источники света становятся тусклыми и расплывчатыми пятнами.

Другим аргументом не в пользу архитектуры в целом (если брать выдающихся архитекторов XX века) оказывается их мощное противостояние всей культуре, всему и вся в ней – их ужасное одиночество, безнадежность их призывов и пропаганды. А если взять тех их последователей, в которых можно было бы видеть продолжение и развитие дела пионеров, то мы, к величайшему сожалению, будем вынуждены признать, что пионеры были яркими одиночками, а последователи и продолжатели – гораздо более тусклыми и путанными эпигонами, разменявшими золотые крупички чистых находок на медь популярных мотивов.

За всеми этими рассуждениями вырастает, как огромный айсберг за его надводной частью, обстоятельство, которое ближе всего касается подлинного кризиса современной архитектуры – ее ненужность широким

слоям трудящихся масс, ее культурно-социальную неадекватность в целом. Эта неадекватность проявляется и в отчужденности лидеров современной архитектуры, и в снижении среднего уровня архитектурных притязаний, и в сомнении в профессиональных достоинствах архитектурных традиций, и в новейших течениях типа «контекстуализма» или «постмодернизма». В них на первый план выдвигается не позитивный идеал, а нечто «среднее», по-своему безликое и милое, но именно безликостью и милое обывательскому, а заодно и профессиональному сознанию, стремящемуся сделать архитектуру «невидимой», если не ополчается на нее со всем пылом фанатичной агрессивности и не обвиняет ее во всех смертных грехах: тоталитарности, элитарности, узурпации прав человека. вплоть до банальных обвинений в неспособности решить ни одну из художественных, экономических, конструктивных и функциональных задач. Бесконечный хор глухого ропота на архитектуру от обывателя до сноба – действительно впечатляющий фон ее нынешнего культурного существования и социальной укорененности.

Наконец, если взять архитектуру в ее самых экстравагантных, острых и профессионально эпатарующих проявлениях, то и здесь, скорее, можно видеть агонию предсмертных судорог, нежели здоровую игру сил. Такого рода факты принадлежат скорее искусству, авангарду, чем архитектуре как таковой. И как бы мы ни решали вопрос о значимости авангарда для самого современного искусства, для архитектуры эти всплески есть последний крик захлебнувшегося.

10.10.1982

История иллюзий

Современная архитектура, переживающая системный кризис и паралич, расплачивается за свой интеллектуальный статус, насчитывающий тысячелетия.

Трудность преодоления этого кризиса состоит как раз в том, что история архитектурной мысли – это история, условно говоря, иллюзий, точнее, история концепций и практик, которые сегодня удобнее всего описывать в качестве иллюзий в новом смысле слова, в определен-

ных условиях могущими стать уникальной жизнестроительной силой.

Современная ситуация утратила эту жизнестроительную силу и функцию, но сохранила их концептуально-исповедальную структуру, которая, впитав в себя новые достижения технической, философской и научной мысли, сохранила также и иррациональную схему синтеза, уже не соответствующего их предметному смыслу и темпу развития. Поэтому до сих пор современной теории архитектуры свойственно прибегать, как к соседям матери, ко всем появляющимся на свет технологиям, философиям и идеологиям, не теряя своего статуса еще слепого младенца. Можно сказать, что архитектура исторически была и остается, подобно человеку, своего рода выкидышем истории, слепорожденным существом, до сих пор живущим внутриутробным разумом, но питающимся новыми идеями и образами – от мифологии до теории когнитивных структур.

Само по себе – это явление гигантской исторической значимости, сконцентрировавшее огромную творческую энергию и изобретательскую силу. Противоречие, в котором она теперь оказалась, состоит в несоответствии новых интеллектуальных практик ее архаической синтетической природе. Именно в этом заключается противоречие ее ремесленной и интуитивной традиции с монументальной глубинной статикой и новейшими отпрысками дифференцированного знания и их динамики, что совсем недавно сделало архитектуру своеобразным источником революционно-мифологических судорог и откровений.

Взрывные иллюзии авангарда сами по себе дышали своего рода невинностью инфантильных снов, но, будучи смешаны с новейшими практическими технологиями ставшего взрослым или повзрослевшего разума и техники, обрушились на цивилизацию как гром с ясного неба и заразили мир тоталитарными конвульсиями перестроечной лихорадки. В скором времени эти конвульсии были усмирены, и архитектура была вновь ввергнута во внутриутробное состояние, в котором она приняла покорную позу не матери, но ученицы. Она стала чем-то вроде невменяемого ребеночка цивилизации, которому все готовы помочь, но на самом деле совершенно не понимают, что это за существо и как ему можно помочь. Его сейчас пичкают всеми соками культуры и науки, всеми отварами самостоятельной космической медицины и всеми советами новоиспеченной мудрости.

Продуктом таких вспомогательных терапевтик становятся монструозные иллюзии нового поколения – и архитектура послушно глотает эти пилюли, напрочь утратив способность рефлексивно оценивать их неадекватность. Говоря «архитектура» применительно к современной ситуации, я, конечно, не имею в виду ту могучую силу, которая строила пирамиды и монументы, но лишь рассыпавшиеся остатки их в виде новой квазипрофессии, так и не одолевшей своего врожденного мамонтизма. Так что одним из направлений восстановления ее самосознания, освобождения от приписанных ей теперь функций бытовой услуги и пробуждения от внутриутробных снов могла бы быть, на мой взгляд, работа по преодолению этих природенных иллюзий, что особенно трудно как раз потому, что, растеряв все секреты этой архаической органики, архитектура как профессия осталась при этих иллюзиях как при своем единственном убежище и достоянии.

Культура освоила монументальные остатки архитектуры прошлого как реликвии и в лучшем случае заботливо очищает их от пыли и наслоений. Одновременно можно наблюдать попытки внедрить в профессию современные вкусы и моды дизайна.

Но работу по преодолению кризиса пора начинать изнутри профессии, поскольку ни история архитектуры, имеющая свой музейный заработок, ни строительная техника и ни в коем случае не новая партийная идеология ей в этом помочь не захотят и не смогут. Ее будут по-прежнему покрывать похвалой и заботой, чтобы нещадно эксплуатировать и потакать своим прихотям – нечто подобное эксплуатации младенцев, пусть и огромных.

И уж никак не будут способствовать ее прозрению и пробуждению, так как прозревшая и пробужденная архитектура сможет обнаружить в себе надолго уснувшие силы и предъявить своим потомкам счет, который некому будет оплатить.

23.09.2018

Кризис человечности – основа деградации современной архитектуры

Несмотря на формальное провозглашение гуманизма и его идеалов, современная архитектура демонстрирует иные ценности:

1. Плебейское обожествление комфорта и некоторого рода фантомности его смыслов;
2. Аристократический техницизм, связанный с превосходством механических агрегатов и военной машинерии;
3. Демонстрацию богатства и неограниченной власти элит.

Попытка понизить эти ценности до обыденного уровня средних возможностей рядового гражданина демонстрирует все те же, но относительно упрощенные признаки самодовольства власти.

Новая капиталистическая аристократия не разделяет установки на скромность и не ставит во главу архитектурного искусства фундаментальные проблемы человеческого бытия – здоровье, кризис умирания и непреодолимость смерти, не демонстрирует сдержанности и стоического идеала самоограничений, равно как и не демонстрирует скрытого и явного драматизма человеческих судеб в процессе непрерывных изменений в постижении природы всех миров, в том числе и человеческого.

Принимая в качестве определения архитектуры Искусство, в самом архитектурном мировоззрении не высвечивается различие технического совершенства, разумной экономии и так называемой «красоты», в которой духовные смыслы постоянно и беззастенчиво сводятся к разного рода формализмам – так называемой «гармонии» или к конфликтам старого и нового понимания самих смыслов человеческого существования, демонстрации силы денег, власти и тоталитарной безжалостности.

Преодоление этой нравственной, точнее, относительно безнравственной схемы предполагает выработку установок относительно смысла человеческой судьбы во всей ее неопределенности и достоинстве.

Кризис архитектуры или кризис человека?

Кризис архитектуры идет параллельно с довольно впечатляющим прогрессом электроники. Вопрос: что же можно считать показательным для современной культуры и цивилизации? Если считать, что развитие компьютеров, программ и чипов определяет будущее человечества больше, чем форма зданий, пластика фасадов и уют городских площадей, то, конечно, можно полагать, что в целом мы живем в эпоху гигантского ускорения развития цивилизации. Архитектура может подождать; успеет и доделаем.

Но возможна и иная система оценок, в которой архитектура все же показывает, что человеческие способы существования уступают место чему-то иному. Тут уже дело не в падении вкусов, забвении традиций и своего

рода аристократическом снобизме сибаритов. Речь идет о том, что происходит с тем, кто и для кого все это делает.

Речь идет о человеке как о критерии смысла происходящих процессов. И вот падение человекосоразмерности и человеческой осмысленности бытия в мире, оказывается, разрушает смысл всех успехов коммуникации и автоматизации. Но такие утверждения или гипотезы возвращают нас к вопросу о человеке – что это или кто это: двуногое без перьев или венец творения?

То, что архитектура демонстрирует нам успехи, бесспорно. Но это именно успехи в бессмысливании человеческого бытия на нашей планете.

О космосе я говорить не могу – не понимаю, зачем он нужен человеку и что это такое. Образы космоса несколько потеснили образы чудовищ из фильмов ужаса. Но это уже становится смешным. А то, что происходит с архитектурой на Земле, здесь и теперь, как будто превращает мир в изделие кулинарной индустрии, подобно пирожкам с кремом и сахарной пудре. Выражение «пудрить мозги» впервые обретает свой смысл при рассмотрении новых архитектурных проектов.

Человек исчезает из самой архитектуры – куда-то уезжает: охота к перемене мест сильнее гения места. Человек исчезает из архитектурной мастерской – тут царит игра в куклы и ползучие растения. Человек исчезает из теории архитектуры – там он читает самому себе философские эссе про то, что человек исчез во время строительства песочных замков на том же берегу залива. Человек исчезает из архитектурной критики – ибо он до нее не дорос. Человек исчезает из архитектурного образования – ибо там он слишком занят подготовкой к экзаменам. Одним словом, человек исчез из архитектуры, уступив место статистике.

Видимо, статистика – все-таки не ложь, как утверждает мудрый и скептический наблюдатель, а истинное лицо и самого человека, и его архитектуры.

Так что не будем о грустном; поскорее купим себе новый айфон или виртуальный синтезатор голографических иллюзий и займемся чем угодно, только бы не архитектурой. Трансгуманизм и трансархитектура ждут нас прямо за углом.

Так в чем же кризис? Какой кризис? Нет никакого кризиса: кризис – это то, что было вчера или даже позавчера.

Жаль? Конечно, архитектура была удивительно мила и забавна. А человек? Да, когда-то он «звучал гордо», но скорости растут – и мы уже в мире сверхзвуковых скоростей, обогнавших человеческую гордость.

История и теория архитектуры до сих пор не смогли поставить вопрос о причинах, унаследованного тем или иным способом равнодушия к подлинно человеческим ценностям бытия. Культурный эпос архитектуры прошлого повсюду уступает место жажде демонстративной универсальности и безразличия к индивидуальной судьбе.

9.11.2018

Архитектура – развитие и деградация

Нынешнее мировоззрение смотрит на историю как на развитие общества и культуры. Развитие считается основным законом: оно лежит в основе эволюции, а деградация оказывается следствием войн и катастроф. Но покажите древнему египтянину или греку город Нью-Йорк – и едва ли вы услышите одобрение или восхищение его архитектурой.

История архитектуры, хоть и может представить себе и даже оправдать такую реакцию, все равно будет продолжать твердить о развитии архитектуры. Что же происходит на самом деле? Нынешние обсуждения архитектуры и городов будущего строятся на истории климата, роста численности населения стран и развитии

техники строительства и коммуникации, придавая этим процессам смысл эволюции или качественного развития, что далеко не очевидно. Мы можем полагать, что развитие технологии производства и коммуникаций станет силой, способной радикально изменить образы поселений. Но оценить эти изменения придется, исходя из тенденций изменения в системах производства, распределения, роста населения и исчерпания жизненных ресурсов биосферы, а вопрос об оценке этих изменений повиснет в воздухе, так как окажется принципиально неоднозначным. Мы будем говорить о вынужденном приспособлении архитектуры к условиям жизни, избегая итоговых оценок этих изменений и самих критериев этих оценок. Не исключено, что наши оценки этих изменений покажутся сегодня парадоксальными, например, перспектива вымирания городских поселений и возвращения к сельским типам поселков в XXII веке и далее. Этих соображений достаточно для того, чтобы оценить всю парадоксальную неоднозначность понятия прогресса и деградации в архитектуре. И когда мы встречаем в архитектурной критике сетования на идиотизм современных городов и методов проектного управления ими, нам придется признать парадоксальный характер изменения оценок и вкусов, не укладывающийся в простые критерии развития и деградации. Отсюда вопросы: что же делать, какова стратегия изменения в понимании вкусов и их абсолютной значимости – всех стилей, тенденций, вершин и падений вкуса? Видимо, эта парадоксальная диалектика коснется соотношения изменчивости и постоянства смыслов архитектуры, ее форм и композиций, сред и пространственных категорий относительности типов и идеалов в их вечном созидательном и разрушительном потоке идей и вкусов. И на этом станет строиться профессиональное образование, критика и история, ныне создающая иллюзорную твердость подходов и неизменность принципов.

16.09.2022

Литература

1. Раппапорт, А. Путь к дому // Проект Байкал. – 2022. – № 3 (73). – С. 122–127
2. Раппапорт, А. Архитектурная фелицитология // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 64–65

References

- Rappaport, A. (2015). Architectural Felicitology. Project Baikal, 12(46), 64-65. <https://orcid.org/0000-0001-5477-1722>
- Rappaport, A. (2022). The road to home. Project Baikal, 19(73), 122-127. <https://doi.org/10.51461/pb.73.22>